

УДК 1(470) (091) «18/19»

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛЬВОМ ШЕСТОВЫМ ОБРАЗА ПОДПОЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

В.В. Буланов

ГБОУ ВПО «Тверская государственная медицинская академия» (г. Тверь)

Исследуются особенности интерпретации Л. Шестовым образа подпольного человека, созданного Ф.М. Достоевским. Автор статьи размышляет над спорными аспектами данной интерпретации. Среди них он выделяет степень соответствия образа подпольного человека мировоззрению Достоевского, соотношение образа подпольного человека и образа сверхчеловека, предложенного Ф. Ницше, и роль религии в восприятии Шестовым образа подпольного человека.

Ключевые слова: интерпретация, образ подпольного человека, философ трагедии.

«Записки из подполья» – сочинение Ф.М. Достоевского, являющееся одной из причин того, почему многие современные мыслители считают его своим духовным учителем. Образ подпольного человека, заявившего, что пусть «свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить» [2, с. 497] потряс и такого самобытного мыслителя, как Л. Шестов. Можно предположить, что «тексты Достоевского о его “подпольных” героях, служат для Шестова моделью, с помощью которой он строит образы других своих героев» [9, с. 78]. Вместе с тем Шестов дал образу подпольного человека такую сложную интерпретацию, что она до сих пор вызывает споры у исследователей творчества Достоевского и философии Шестова.

Начнём с того, что данная интерпретация неоднозначна. Отмечается, что «подпольный человек» для Шестова – лишь один из типов – эгоистических героев Достоевского [6, с. 155]. По другой позиции, «Шестов подчеркнул ... значение «подпольных» героев Достоевского» [5, с. 395], использовал понятие «подпольный человек» для обозначения всех эгоистов – героев Достоевского. Эти интерпретации противоположны друг другу, но сосуществуют у Шестова.

Сложности возникают и при поиске ответа на вопрос о толковании Шестовым соотношения образа подпольного человека с мировоззрением Достоевского. С утверждением, что «аутентичный голос Достоевского слышится Шестову в голосе героя “Записок из подполья” — злого, несчастного и безобразного человека, который не хочет быть добрым» [8, с. 73], можно согласиться, но с рядом оговорок. Когда в работе «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (философия и проповедь)» Шестов впервые называет Достоевского подпольным человеком, то, на

самом деле, предполагается, что он был таковым всегда, что это неотъемлемое свойство его «жесточкого таланта» [9, с. 240]. Но согласно следующей работе Шестова – «Достоевский и Ницше...», – в которой основное внимание уделяется как раз анализу образа подпольного человека и его соотносению с мировоззренческой эволюцией Достоевского, Шестов меняет свою точку зрения. Теперь, по мнению философа, голос подпольного человека был аутентичен Достоевскому не всегда, а только с момента мучительной переоценки ценностей, следствием которой, по Шестову, и стало создание «Записок из подполья» [10, с. 337].

К тому же Шестов писал о Достоевском, что он после переоценки ценностей не только не хотел, но и не мог быть добрым (хотя первоначально «пытался продолжить по-старому», но «пафос иссяк») [там же, с. 337–338]. Сходное дополнение – не только не хотел, но и не мог, хотя иногда и хотел, – следует сделать относительно отношения к добру самого подпольного человека – героя «Записок из подполья»: «Мне не дают... Я не могу быть... добрым! – едва проговорил я, затем дошёл до дивана, упал на него... рыдал в настоящей истерике» [2, с. 494]. Также неоднозначна ситуация с соотношением между образом подпольного человека и тем, как Шестов интерпретировал отношение Достоевского к человеку в целом.

Можно согласиться с тем, что «после каторги Достоевский открывает феномен “подпольного человека”, обнаруживая, по мнению Шестова, в себе, значит, в каждом, тем самым по-иному, чем прежде, взглянув на природу человека» [3, с. 12]. Но, кроме этих размышлений Шестова, в тексте «Достоевского и Ницше...» можно найти указания на то, что мыслитель считал подпольного человека (философа трагедии) вышедшим на иной уровень духовного развития, нежели тот, на котором находятся обычные люди (люди обыденности). «Так или иначе – философия трагедии находится в принципиальной вражде с философией обыденности. Там, где обыденность произносит слово “конец”, Ницше и Достоевский видят начало и ищут» [10, с. 450]. По Шестову, этот переход из сферы обыденности в область трагедии не связан с человеческим самосовершенствованием и является необратимым. «Есть область человеческого духа, которая не видела ещё добровольцев... Это и есть область трагедии. Человек, побывавший там, начинает иначе думать, иначе чувствовать, иначе желать» [там же, с. 316].

Вместе с тем, согласно Шестову, подпольные люди, или философы трагедии, или безобразнейшие люди, это не только жертвы судьбы, но и её избранники, как, например, Ницше и Достоевский. «Философия... есть философия трагедии... Ницше и Достоевский... были безобразнейшими людьми, не имевшими обыденных надежд. Они пытались найти своё там... где по общему убеждению нет, и не может быть ничего кроме вечной тьмы и хаоса... Там, может быть, подпольный человек значит столько же, сколько и весь мир» [там же, с. 451]. Подполь-

ный человек исключителен уже своей решимостью искать свою смутную мечту, по своей способности упорно противостоять общепринятым ценностям, будучи отверженным от общества.

Намного проще деградировать как личность (стать алкоголиком, наркоманом), что большинство людей, попав в область трагедии, и делает. Следовательно, можно согласиться с утверждением, что «поскольку трагическим прозрением шестовский герой обязан не только катастрофическим обстоятельствам – они в конечном счёте перед лицом абсурдности бытия катастрофичны у всех людей, – но и своей глубинной восприимчивостью к вине существования, подлинностью своего страдания, то такой страдалец оказывается также личностью исключительной, необыкновенной» [1, с. 973].

Но автор этого утверждения считает, что «от торжествующего “сверхчеловека” Шестов отказывается в пользу потерпевшего от жизни “великого страдальца”. Ницшеанский аморальный дуализм “обыкновенных” “необыкновенных” (которым “все позволено”) индивидов у него заменяется эстетическим дуализмом «морали обыденности и морали трагедии» [там же, с. 972–973]. Представляется, что Шестов соотносил образы подпольного человека и сверхчеловека иначе.

Шестов не мог отшатнуться от приписываемого Ницше образа «торжествующего сверхчеловека», так как, согласно Ницше, сверхчеловека ещё не было, сверхчеловек – это цель эволюции человека. «Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его?.. И... должен быть человек для сверхчеловека... посмешищем или... позором» [7, с. 7–8]. И Шестов прекрасно знал это: он даже цитирует отрывок ницшевской работы «Так говорил Заратустра», в которой Ницше намечает кандидатам в сверхчеловеки – «высшим людям» – увеличение страдания как ориентир их духовной эволюции и механизм естественного отбора [там же, с. 260; 9, с. 447]. Мало того, этот отрывок Шестов интерпретирует как наставление Ницше – подпольного, как и Достоевский, человека – подпольным, а не высшим людям. Шестов пишет: «...вслед за Достоевским является Ницше. И он пришёл из каторги – из подземного мира, из области трагедии, откуда уже нет возврата в мир обыденности. Послушайте его – он доскажет то, чего не успел, а может быть, и не умел объяснить Достоевский: ... “Вы, высшие люди!..” Все чаще и чаще лучшие из вас будут гибнуть, ибо вам будет все труднее и труднее» [10, с. 447]. Правда, Ницше продолжает: «...только этим путём вырастает человек до той высоты, где молния порождает и убивает его: достаточно высоко для молнии» [там же, с. 260–261]. Это очевидный намёк на сверхчеловека: в другом месте Ницше образно пишет, что кандидаты в сверхчеловеки «являются тяжёлыми каплями, падающими из... тучи, нависшей над человеком: молния приближается, возвещают они и гибнут... эта молния называется сверхчеловек» [7, с. 11]. Шестов же намекает на то, что иде-

ал сверхчеловека – одна химера, порождённая Ницше, когда он начал сходиться с ума [10, с. 427], и одно из бесплодных средств в его неравной борьбе со своими декадентскими настроениями. По Шестову, «то, что... привело Ницше к формуле “по ту сторону добра и зла”, к апофеозу жестокости, к прославлению эгоизма... даже к идеалу сверхчеловека» [там же, с. 402], это преследующая его мучительная, декадентская мысль. «Эта мысль казалась ему безумной; он до конца своей жизни не мог целиком принять её... стремился избавиться от неё или, по крайней мере, поставить её в зависимость от какого-нибудь идеала» [там же, с. 405]. Идеал сверхчеловека для этого подходил наилучшим образом.

Поэтому Шестов не доверяет ницшевской проповеди сверхчеловека и предпочитает теснее соотнести образ подпольного человека с высшим человеком, образом, созданным тем же Ницше: «“Я радуюсь, – говорит Заратустра, – великому греху, как великому моему утешению. Но это сказано не для длинных ушей... Это тонкие, дальние вещи. И бараньим копытам их не должно касаться”... Необходимая оговорка: “Не всякие уста имеют право на эти слова”. Надземные люди думают и должны думать (для них есть и обязательная мораль должного и недолжного) иначе. Но Достоевский и Ницше говорили... от имени подпольных людей» [там же, с. 447]. Так Шестов подчёркивает, что ницшевский «аморальный дуализм “обыкновенных” “необыкновенных” составляет единое целое с дуализмом “морали обыденности и морали трагедии”. Для этого Шестов соотносит и образ безобразнейшего человека (из работы Ницше «Так говорил Заратустра») с образом подпольного человека [7, с. 236–237; 10, с. 450].

Традиции противопоставления шестовской интерпретации образа подпольного человека учению о сверхчеловеке соответствует стремление ряда исследователей доказать, что, по Шестову, подпольный человек бунтует из религиозных побуждений.

Согласно одной позиции, «благодаря подпольному человеку... была показана обратная сторона разума (упрощение, бессердечность), человека (глубинное зло и абсурд), необходимостей и наук (помеха мифологическому, религиозному)... И за этим Шестов видел, прежде всего, влияние Библии, задающей “основную проблему метафизики познания” (т. е. религиозную борьбу)... В которой главное – вырваться из небытия (естественной и общей для всех реальности) к бытию... через пробуждение “беспочвенности”... души» [4, с. 116]. Нельзя поспорить с тем, что философия трагедии, мировоззрение подпольного человека, противостоит у Шестова философии обыденности, которую обосновывают различные формы идеализма и позитивизма [10, с. 450–451]. Может быть, последними людьми в их поиске и движет вера (ибо им кроме неё ничего не осталось), но уж вера слишком смутная: по Шестову, они пытаются и «пытались найти свое там, где никто никогда не ищет... быть может, люди трагедии и найдут то, чего они искали» [там же,

с. 451]. К тому же для того, чтобы назвать эту веру религиозной, не хватает главного – стремления убедить всех в её истинности (и тем самым настоящей желательности для всех). Шестов же пишет: «Люди обыденности не захотят преступить в погоне за таким невероятным “быть может” роковую черту. Но ведь их никто и не зовёт к этому» [там же].

Сторонники другой позиции считают, что «иммориализм “человека из подполья”, его “свету ли провалиться или чтоб мне чаю не пить” означает, по Шестову, притязание веры – притязание на то, что отдельный человек важнее всего мира и что Бог ради отдельного человека может нарушить законы всего мира» [8, с. 73]. Эту гипотезу также лучше всего проверить ссылкой на текст работы Шестова «Достоевский и Ницше...». В ней Шестов пишет: «...там... где по общему убеждению нет... ничего, кроме вечной тьмы и хаоса... может быть, подпольный человек значит столько же, сколько и весь мир» [10, с. 451]. Шестов допускает возможность существования Бога – заступника подпольного человека перед миром, но не более того.

Проблема интерпретации Шестовым образа подпольного человека остается открытой. В частности, в таких аспектах, как его отношение к Достоевскому – творцу образа подпольного человека, соотношение образов подпольного человека и сверхчеловека, видение Шестовым роли религиозной веры в исканиях подпольного человека. Но одно несомненно: образ подпольного человека, созданный Достоевским, в процессе интерпретации Шестовым существенно трансформировался и – в таком изменённом виде – оказал сильное влияние на все мировоззрение Шестова.

Список литературы

1. Гальцева Р.А. Шестов Лев // Культурология: энциклопедия: в 2 т. / гл. редактор и автор проекта С.Я. Лёвит. М., 2007. Т. 2.
2. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Собр. соч.: в 12 т. М., 1982. Т. 2.
3. Колобаева Л.А. Иван Бунин и Лев Шестов: литературно-философские переключки // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2010. Т. 69, № 1.
4. Курабцев В.Л. Лев Шестов и мировая философия: (Итоги «странствий по душам») // Вопросы философии. 2004. № 12.
5. Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии // Соч.: в 2 т. М., 1996. Т. 2.
6. Мареева Е.В. Творчество Ф.М. Достоевского в зеркале философии Льва Шестова // Вопросы философии. 2008. № 3.
7. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Ницше Ф. Так говорил Заратустра; К генеалогии морали; Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм: Сб. Минск, 2001.

8. Паперный В.М. Лев Шестов о Толстом и Достоевском // Толстой или Достоевский? Философско-эстетические искания в культурах Востока и Запада: материалы междунар. конф. 3–6 сентября 2001 г. СПб., 2003.
9. Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше // Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М., 2000.
10. Шестов Л. Достоевский и Ницше: (Философия трагедии) // Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М., 2000.

LEV SHESTOV'S INTERPRETATION OF THE UNDERGROUND MAN IMAGE

V.V. Bulanov

Tver State Medical Academy, Tver

L. Shestov's interpretation of the underground man image created by F.M. Dostoevsky, its controversial aspects are revealed within the article's format. The degree of adequacy of the underground man image to Dostoyevsky's world view, the relations between the underground man image and the Nietzschean image of the superman, as well as the role religion plays in the Shestov's vision of the underground man are studied.

Key words: interpretation, image of underground man, philosopher of tragedy.

Об авторе:

БУЛАНОВ Владимир Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики, культурологии и отечественной истории Тверской государственной медицинской академии.
E-mail: althotas3111978@mail.ru